

ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТСЯ САМИ

Павел Кашин:

«...Или, может, пойму что-нибудь»

Обрести популярность за год с небольшим в явно перегруженной «звездами» и шлягерами музыкальной тусовке под силу только наглости, большим деньгам и очень хорошим песням. Похоже, что из всех этих ингредиентов у Павла Кашина наличествует только последний. Однако про то, что происходит на его уютном столике, сегодня знают все или почти все. Это успех. Поговаривают, что, вопреки правилам, не купленный. Да и не важно это, если песни интересные, если их хочется и самому слушать, и друзьям поставить, а клипы — любо-дорого посмотреть. Поэтому, приехав в Петербург вовсе даже по другому поводу, решил узнать: кто же он такой, Павел Кашин, и откуда такие песни?

— Павел, что в твоей музыкальной карьере сыграло определяющую роль?

— «Карьера» — так нельзя, наверное, сказать. Потому что я прохладно отношусь и к деньгам, и к популярности, а карьера, в принципе, состоит из накопления этих двух вещей. Если же об остальном... Я, приехав в Ленинград в 1990 году, сразу же познакомился с одним из лучших поэтов в городе, с Михаилом Башаковым, и мы с ним играли в группе «Духи». Я не пел своих песен, не сочинял — занимался аранжировками. И два года учился у него тому, что называется «поэзия». Но через два года у нас что-то не сложилось, мы расстались.

— А сейчас все твои песни на собственные стихи?

— В первый компакт вошла одна песня на стихи Башакова — «Русская». Кстати, единственная песня, которая попала в хит-парады, и в московский, и в ленинградский.

— Я обратил внимание, что песни твои все очень разные. Но как понять название «Песня китайских цыган»?

— На самом деле она называется «Песня китайских цыган, рожденных на Ямайке». Я довольно реально отношусь к своим возможностям. Мне хотелось сыграть рэгги в цыганской манере. Но рэгги я играю по-русски, поэтому все это не очень круто. А цыгане китайские — потому что там внутри, в песне, три конфуцианские заповеди.

— Когда ты впервые вышел на сцену с собственной программой?

— Полтора года назад, когда начал в здешнем Театре эстрады давать вначале по два, а потом по три концерта в месяц. Так по сей день и выступаю.

— Но за это время все желающие, наверное, тебя повидали. Зал не пустует?

— Я сам удивляюсь, но постоянные аншлаги.

— А кто публика? Ведь, получается, уже должны появиться знакомые лица по ту сторону рамы?

— Человек сорок вижу постоянно...

— Девочки, небось?

— Девочки, мальчики, бабушки, семьи — из тех, кто любит жить тихо.

— Да, агрессивными твои песни не назовешь, ты явно дружелюбно настроен к публике.

— Самое главное в моей манере себя вести — никого не учить жить.

— Говоришь, что игнорируешь деньги, популярность...

— Не игнорирую. Это дает мне возможность делать то, что я хочу. Я неприязнителен в каких-то благих, но хочу иметь возможность делать серьезные вещи.

— А с кем ты выступаешь?

— У меня большая группа — девять человек. Кроме меня, две гитары, бас, барабан, скрипка, виолончель, губная гармошка... Я специально сделал в двух песнях большие музыкальные фрагменты, и там каждый из ансамбля — они все джазовые или классические музыканты — импровизирует, как хочет.

— А сам ты на скольких инструментах играешь?

— Когда я сам начинал записываться, играл на баяне, на саксофоне и на гитаре.

— Ты плодовит в песнях?

— В месяц получается одна-две песни. Бывают периоды, что по несколько месяцев ничего не пишется, но потом — за три дня три песни...

— Что появляется раньше — музыка или слова?

— Все вместе. И это самые счастливые моменты в жизни, когда понимаешь, что ты к этому мало причастен и сам этим заворожен. Иногда даже страшно.

— Все уже где-то есть, где-то написано, а ты тот человек, который это лишь принимает?

— Какой-то момент, я считаю, оставляется для самого человека, для его воли и мудрости. Может, этот момент и есть самый проигрышный...

— Если назвать любимую песню...

— Мне всегда больше всего нравится последняя песня. Последняя — гораздо лучше, изысканней.

— А угадываешь, что песня понравится публике?

— Иногда. Вот с «Русской» сразу почувствовал, что это будет хит. Она на студии так хорошо записалась, что ясно стало — с ней будет все в порядке.

— От многих людей ты зависишь в жизни?

— Думаю, нет. Я всю жизнь стремился к свободе, и если есть какая-то зависимость, то лишь от тех людей, которых сам никогда не смогу бросить...

— Ты женат, разведен?

— Нет, к сожалению, не был женат, но если бы был — то и до сих пор был женат. Мне кажется, что последнее время так много работаю, что ни на что другое времени нет.

— И девочкам не на что надеяться?

— Чем дальше, тем я все больше трудоголичен, и все меньше на это шансов.

— Тебе двадцать восемь...

— 4 марта исполнилось. Но, честно сказать, я не очень люблю дни рождения. Все меньше посещаю большие тусовки, все чаще предпочитаю им общение с людьми, которые говорят тихо и умно.

— Ты обрекаешь себя на нелегкую жизнь. Другое дело начинаешь ради того, чтобы втиснуться в артистическую тусовку... Ты верующий человек?

— Да, я православный христианин. Но тема Бога — очень сложная для интервью. Все гораздо сложнее, нежели говорится в книгах...

— И на мессианство не претендуешь?

— Я люблю разные игры, и, может, было бы интересно «пройти номер» с мессианством, но я знаю, что просто наломал бы дров. В принципе, любой сильный и умный человек может выступить в этом качестве, но это опасно.

— Как складывалась твоя жизнь?

— В тринадцать лет я уехал учиться из Кустанае в другой город, в Рудный, потом переезжал в Свердловск, Челябинск, Улан-Уде, Одессу...

— Бродяжий дух гнал?

— Было очень интересно. Есть ведь люди, не нашедшие своего места.

— И чем жил?

— Главным источником существования для меня всегда были малые потребности. Легко сходилась с немногими добрыми людьми. И в Кустанае, и в других городах мне казалось, что

люди не понимают, зачем живут. Только в Питере мне показалось, что есть какой-то смысл в жизни, но, боюсь, скоро мне это перестанет казаться.

— А за границей?

— Очень люблю в Китай ездить. У меня мама в Маньчжурии родилась. Я изучал восточные искусства, и мне были интересны те старички, что живут в тростниковых рощах, в кельях странных и пишут странные картины в уголке холста. А Европу я не очень люблю. Но дороги там хорошие.

— На улицах Питера тебя узнают?

— Да, но я не люблю, когда показывают пальцами: «Кашин, Кашин!». А когда смотрят и просто улыбаются — совсем другое дело.

— Есть люди, которые тебя «раскручивают»?

— Есть человек, который мне помогает воплощать то, что я хочу. Есть бухгалтер, который помогает мне разбираться с бумагами. Но человека с какой-то жесткой программой «раскрутки» нет. Мне интересно, что все приходится познавать самому. Интересно изобретать велосипед. И оказывается, что это не велосипед, а нечто совсем другое. В конце концов я узнал, как «раскручиваются» люди, и понял, что у меня все каким-то чудом получилось.

— Приходилось пробиваться на то же телевидение при помощи денег?

— Я считал оскорбительным платить за показ клипов Бориса Дебенева (а все мои клипы снимал он), который является мастером своего дела. Все, что проходит по телевизору, — это исключительно отбор на вкус музыкальных редакторов. И это меня радует.

— Есть у тебя близкие друзья?

— В основном это люди, с которыми я общался до периода моей популярности. К сожалению, все меньше остается времени для общения.

— Твои пристрастия?

— Очень люблю книги — Воннегут, Стейнбек, Ремарк, Белль, Гессе, Або. Что касается того, что я люблю слушать, то из современных это группы «Аукцион», «Проходные дворы», из классики — Чайковский, Мусоргский, Моцарт.

— Я уже маюсь над вопросами и боюсь, что чего-то главного не спросил. Давай так: что бы ты сказал москвичам для лучшего взаимопонимания?

— Если бы москвичи чуть помедленнее ходили по улицам, если бы им было чуть больше на что смотреть, если бы в Москве было чуть больше духа Пушкина и Достоевского, было бы много лучше. Но я играл на концертах в Москве, и мне у вас очень нравилось.

— На гастроли часто ездешь?

— Я работаю только в Санкт-Петербурге и в Москве. Не езжу, потому что у меня сейчас очень продуктивное время: уже смонтировал второй компакт-диск, занимаюсь с обложкой. Начал записывать третий. И вместе с тем какое-то ощущение кризиса, а это верный признак, что будет новый этап.

— Предвкушение взлета?

— Не взлета, просто будет еще более интересное время в жизни. Чувствую, что смогу что-то понять, чего пока не понимаю.

Беседовал Алексей ПЕСКОВ
Фото автора